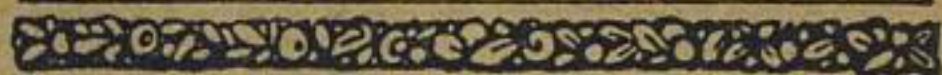

КАРМАННАЯ
БИБЛИОТЕКА

А. ГРИНЪ

ПРОИСШЕСТВІЕ
ВЪ УЛИЦѢ
ПСА

ЦѢНА • С • О • Р • О • К • Ъ • К О П :

Дорогіє друзья!

Представляемъ вамъ фантастическій разсказъ Александра Степановича Грина «Происшествіе въ улицѣ Пса», написанный въ 1909 году. Послѣ нежелаемаго разрыва съ любимой женщиной главный герой разсказа – Александръ Гольцъ – совершаетъ рядъ дѣйствій, воспринятыхъ окружающими лицами какъ дьявольскія проявленія. Въ завершеніе содѣяннаго онъ совершаетъ самоубійство.

Въ нашемъ изданіи приводится текстъ произведенія въ авторской орѳографіи, безъ какихъ-либо измѣненій и правокъ, полностью идентичный изданію разсказа отъ 1915 года ¹.

Пріятнаго вамъ прочтенія, друзья!

¹ Гринъ, А.С. Происшествіе въ улицѣ Пса; Пролить бурь; Зурбаганскій стрѣлокъ; Колонія Ланфіеръ; Новый циркъ: [Разсказы] / А. Гринъ. – Петроградъ: Новый Сатириконтъ, 1915. – 250, [1] с.

КАРМАННАЯ БИБЛИОТЕКА

А. ГРИНЪ

ПРОИСШЕСТВІЕ
ВЪ УЛИЦѢ
ПСА

ПЕТРОГРАДЪ

Типографія Т-ва «Грамотность», 5-я Рожд. № 44.
1915.

ПРОИСШЕСТВІЕ ВЪ УЛИЦѢ ПСА

«Похожъ на меня, и одного
роста; а кажется выше на
поль-головы — мерзавецъ!»
Изъ старинной комедіи.

I.

Случилось, что Александръ Гольцъ вышелъ изъ балагана и пришелъ къ мѣсту свиданія ровно на полчаса раньше назначеннаго. Въ ожиданіи предмета своей любви онъ провожалъ глазами каждую юбку, сѣменившую поперекъ улицы, и нетерпѣливо колотилъ тросточкой о деревянную тумбу. Ждалъ онъ тоскливо и страстно, съ темной увѣренностью въ концѣ. А иногда, улыбаясь прошлому, думалъ, что, можетъ быть, все обойдется, какъ нельзя лучше.

Наступилъ вечеръ; узенькая, какъ щель, улица Пса туманилась золотой пылью, изъ грязныхъ оконъ струился кухонный чадъ, разнося въ воздухъ запахъ пригорѣлаго кушанья и сырого бѣлья. По мостовой бродили зеленчики и тряпичники, заявляя о себѣ хриплыми криками. Изъ дверей пивной то и дѣло вываливались медлительные въ движеніяхъ люди; выйдя, они сперва искали точку опоры, потомъ вздыхали, нахлобучивали шляпу какъ можно ниже къ переносицѣ и шли, то съ мрачнымъ, то съ блаженнымъ выраженіемъ лицъ, преувеличенно твердыми шагами.

— Здравствуй!

Александръ Гольцъ вздрогнулъ всѣмъ теломъ

и повернулся. Она стояла передъ нимъ въ небрежной позѣ, точно остановилась мимоходомъ, на секунду, и тотчасъ уйдетъ. Ея смуглое, подвижное лицо съ печальнымъ взглядомъ и капризнымъ изгибомъ бровей, избѣгало глазъ Гольца; она разсматривала прохожихъ.

— Милая! — напряженно-ласковымъ голосомъ сказалъ Гольцъ и остановился.

Она повернула лицо къ нему и въ упоръ безразличнымъ движеніемъ глазъ окинула его пестрый галстухъ, шляпу съ перомъ и гладко выбритый, чуть вздрагивающій подбородокъ. Онъ еще надѣется на что-то: посмотримъ.

— Я... — Гольцъ прошепталъ что-то и началъ жевать губами. Потомъ сунулъ руку въ карманъ, вытащилъ обрывокъ афиши и бросилъ. — Позволь мнѣ... — Здѣсь его рука потрогала поля шляпы. — Итакъ, между нами все кончено?

— Все кончено, — какъ эхо, отозвалась женщина. — И зачѣмъ вы еще хотѣли видѣть меня?

— Больше... ни за чѣмъ, — съ усиліемъ сказалъ Гольцъ. Голова его кружилась отъ горя. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, неожиданно для себя взялъ тонкую, презрительно послушную руку и тотчасъ ее выпустилъ.

— Прощайте, — выдавилъ онъ тяжелое, какъ гора, слово. — Вы скоро уѣзжаете?

Теперь кто-то другой говорилъ за него, а онъ слушалъ, парализованный мучительнымъ кошмаромъ.

— Завтра.

— У меня остался вашъ зонтикъ.

— Я купила себѣ другой. Прощайте.

Она медленно кивнула ему и пошла. Тумба

оказалась крѣпче тросточки Гольца; хрупкое роговое издѣліе сломалось въ куски. Онъ пристально смотрѣлъ въ затылокъ ушедшей дѣвушкѣ, но она ни разу не обернулась. Потомъ фигуру ея заслонилъ угольщикъ съ огромной корзиной. Кусочекъ шляпы, мелькнувшей изъ-за угла — это все.

II.

Александръ Гольцъ открылъ двери ближайшаго ресторана. Здѣсь было шумно людно; косые лучи солнца блестѣли въ густомъ войскѣ бутылокъ дразнящими переливами. Гольцъ сѣлъ къ пустому столу и крикнулъ:

— Гарсонъ!

Безлично почтительный человѣкъ въ грязной манишкѣ подбѣжалъ къ Гольцу и смахнулъ пыль со столика. Гольцъ сказалъ:

— Бутылку водки.

Когда ему подали требуемое, онъ налилъ стаканчикъ, отпилъ и плюнулъ. Глаза его метали гнѣвныя искры, ноздри бѣшено раздувались.

— Гарсонъ! — заоралъ Гольцъ, — я требовалъ не воды, чортъ возьми! Возьмите эту жидкость, которой много въ любой водосточной кадкѣ, и дайте мнѣ водки! Живо!

Всѣ, даже самые флегматичные, повскакали съ мѣстъ и кольцомъ окружили Гольца. Оторопѣвшій слуга клялся, что въ бутылкѣ была самая настоящая водка. Среди общаго смятенія, когда каждый изъ посетителей отпивалъ немного воды, чтобы убѣдиться въ правотѣ Гольца, принесли новую запечатанную бутылку. Хозяинъ трактира, съ обиженнымъ и

надутымъ лицомъ челоуѣка, непроизвольно очутившагося въ скверномъ, двусмысленномъ положеніи, вытащилъ пробку самъ. Руки его бережно, трясясь отъ волненія, налили въ стаканъ жидкость. Изъ гордости онъ не хотѣлъ пробовать, но вдругъ, охваченный сомнѣніемъ, отпилъ глотокъ и плюнулъ; въ стаканѣ была вода.

Гольцъ развеселился и, тихо посмѣиваясь, продолжалъ требовать водки. Поднялся неимовѣрный шумъ. Восковое отъ страха лицо хозяина поворачивалось изъ стороны въ сторону, какъ бы прося защиты. Одни кричали, что рестораторъ — жуликъ и что слѣдуетъ пригласить полицію; другіе съ ожесточеніемъ утверждали, что мошенникъ именно Гольцъ. Нѣкоторые набожно вспоминали чорта; маленькіе мозги ихъ, запуганные всей жизнью, отказывались дать объяснение, не связанное съ преисподней.

Задыхаясь отъ жары и волненія, хозяинъ сказалъ:

— Простите... честное слово, ума не приложу! Не знаю, ничего не знаю; оставьте меня въ покоѣ! Пресвятая Матерь Божія! Двадцать лѣтъ торговалъ, двадцать лѣтъ!..

Гольцъ всталъ и ударилъ толстяка по плечу.

— Любезный, — заявилъ онъ, — надѣвая шляпу, — я не въ претензіи. У васъ бутылки, должно быть, изъ тюля, — не мудрено, что спиртъ выдыхается. Прощайте!

И онъ вышелъ, не оборачиваясь, но зная, что за нимъ двигаются изумленные, раскрытые рты.

III.

Историкъ (со словъ котораго записалъ я все выше и нижеизложенное) съ момента выхода Гольца на улицу сильно противорѣчитъ показаніямъ мясника. Мясникъ утверждалъ, что странный молодой человѣкъ направился въ хлѣбопекарню и спросилъ фунтъ сухарей. Историкъ, имени котораго я не назову по его просьбѣ, но лицо, во всякомъ случаѣ, болѣе почтенное, чѣмъ какой-то мясникъ, божится, что онъ сталъ торговать яйца у старухи на углу улицы Пса и переулка Слѣпыхъ. Противорѣчіе это, однако, не вноситъ существеннаго измѣненія въ смыслъ происшедшаго, и потому я останавливаюсь на хлѣбопекарнѣ.

Открывая ея дверь, Гольць оглянулся и увидѣлъ толпу. Люди самыхъ разнообразныхъ профессій, старики, дѣти и женщины толкались за его спиной, сдержанно жестикулируя и указывая другъ другу пальцемъ на страннаго человѣка, оскандалившаго трактирщика. Истерическое любопытство, разбавленное темнымъ испугомъ непониманія, тянуло ихъ по пятамъ, какъ стаю собакъ. Гольць сморщился и пожалъ плечами, но тотчасъ расхохотался. Пусть ломаютъ головы — это его послѣдняя, причудливая забава.

И, подойдя къ прилавку, потребовалъ фунтъ сахарныхъ сухарей. Булочная наполнилась покупателями. Всѣ, кому нужно и кому не нужно, спрашивали того, другого, жадно заглядывая въ каменное, строгое лицо Гольца. Онъ, какъ будто, не замѣчалъ ихъ.

Среди всеобщаго напряженія раздался голосъ приказчицы:

— Сударь, да что же это?

Чашка вѣсовъ, полная сухарями до коромысла, не перевѣшивала фунтовой гири. Дѣвушка протянула руку и съ силой потянула внизъ цѣпочку вѣсовъ, — какъ припечатанная, не шевельнувшись, стояла другая чашка.

Гольць разсмѣялся и покачалъ головой, но смѣхъ его бросилъ послѣднюю каплю въ чашу страха, овладѣвшаго свидѣтелями. Толкаясь и вскрикивая, бросились они прочь. Мальчишки, стиснутые въ дверяхъ, кричали, какъ зарѣзанные. Растерянная, багровая отъ испуга, стояла дѣвушка-продащица.

Опять Гольць вышелъ, хлопнувъ дверьми такъ, что зазвенѣли стекла. Ему хотѣлось сломать что-нибудь, раздавить, ударить перваго встрѣчнаго. Пошатываясь, съ блѣднымъ, воспаленнымъ лицомъ, съ шляпой, сдвинутой на ухо, онъ производилъ впечатлѣніе помѣшаннаго. Для старухи было бы лучше не попадаться ему на глаза. Онъ взялъ у нея съ лотка яйцо, разбилъ его и вытащилъ изъ скорлупы золотую монету. «Ай!» — вскричала остолбенѣвшая женщина, и крикъ ея былъ подхваченъ единодушнымъ — «Ахъ!» — толпы, запрудившей улицу.

Гольць тотчасъ же отошелъ, шаря въ карманѣ. Что онъ искалъ тамъ?

Публика, окружившая старуху, вопила, захлебываясь кто смѣхомъ, кто бессмысленными ругательствами. Это было рѣдкое зрѣлище. Дряхлыя, жадныя руки съ безумной торопливостью били яйцо за яйцомъ; содержимое ихъ текло на мостовую и свертывалось въ пыли скользкими пятнами. Но не было больше ни въ одномъ яйцѣ золота и плаксиво шамкалъ беззубый ротъ, изрыгая старческія проклятія;

кругомъ же, хватаясь за животы, стонали отъ смѣха люди.

Подойдя къ площади, Гольцъ вынулъ изъ кармана ни больше, ни меньше, какъ пистолетъ, и преспокойно поднесъ дуло къ виску. Свѣтлое перо шляпки, скрывшейся за угломъ, преследовало его. Онъ нажалъ спускъ, гулкѣй звукъ выстрѣла оттолкнулъ вечернюю тишину, и на землю упалъ трупъ, теплый и вздрагивающій.

Отъ живого держались на почтительномъ разстояніи, къ мертвому бѣжали, сломя голову. Такъ это человѣкъ просто? Такъ онъ действительно умеръ? Гулъ вопросовъ и восклицаній стоялъ въ воздухѣ. Записка, найденная въ карманѣ Гольца, тщательно комментировалась. Изъ-за юбки? Тѣфу! Человѣкъ, встревожившій цѣлую улицу, человѣкъ, бросившій однихъ въ наивный восторгъ, другихъ — въ яростное негодованіе, напугавшій дѣтей и женщинъ, вынимавшій золото изъ такихъ мѣстъ, гдѣ ему быть вовсе не надлежитъ — этотъ человѣкъ умеръ изъ-за одной юбки?! Ха-ха! Чему же еще удивляться?!

Надгробныя рѣчи надъ трупомъ Гольца были произнесены тутъ же, на улицѣ, рестораторомъ и старухой. Первая, радостно взвизгивая, кричала:

— Шарлатанъ!

Рестораторъ же злобно и сладко бросилъ:

— Такъ!

Обыватели расходились подъ ручку съ женами и любовницами. Рѣдкій изъ нихъ не любилъ въ этотъ моментъ свою подругу и не стискивалъ крѣпче ея руки. У нихъ было то, чего не было у умершаго, — своя талія. Въ глазахъ ихъ онъ былъ безсиленъ и жалокъ — чортъ ли въ томъ, что онъ надѣленъ какими-то особыми

качествами; вѣдь онъ былъ же несчастенъ все-таки, какъ это пріятно, какъ это пріятно, как это невыразимо пріятно!

Не сомнѣвайтесь — всѣ были рады. И, подобно тому, какъ въ деревянномъ строеніи затаптываютъ тлѣющую спичку — гасили въ себѣ мысль: — «А, можетъ быть — можетъ быть — ему было нужно что-нибудь еще»?

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Издание данной книги осуществляется при поддержке Благотворительного фонда восстановления церкви Святой Живоначальной Троицы съ часовней въ Язвищахъ (<http://xram-v-yazvichax.ru>), занимающагося реставраціей храма, расположеннаго въ селѣ Язвищи Боровёнковскаго сельскаго поселенія Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка... Смѣнялись поколѣнія... Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немного, т.к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроень каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣ трёхъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разѣхались въ города... Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ умерли ещё десятки подобныхъ сёлъ и деревень.

Сейчасъ въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисотъ человекъ, о чёмъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвицахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоитъ – поруганный, осквернённый, но величественный – и ждётъ...

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположеній, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставраціи храма. И затѣмъ всё вернётся, т.к. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни теистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временные полы, закрыли плёнкой окна. Ввиду того что зданіе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкѣ научно-проектной документациі.

Если Вы имѣете возможность помочь намъ въ дѣлѣ возстановленія храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованіе на реквизиты нашего фонда:

Расчётный счётъ получателя: 40703810655100000343 въ
Сѣверо-Западномъ банкѣ ПАО «Сбербанкъ Россіи»,
Санктъ-Петербургъ.

ИНН получателя: 7816290748.

Получатель: Фондъ возстановленія церкви Святой Троицы
въ Язвицахъ.

Счётъ Банка получателя: 30101810500000000653.

БИК Банка получателя: 044030653.

Назначеніе платежа: Благотворительное пожертвованіе.

Съ вопросами Вы можете обращаться по телефону (921)33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ Васъ за поддержку, Друзья!

Поддержать насъ можно черезъ мобильное приложение вашего банка воспользовавшись QR-кодомъ (достаточно указать Ф.И.О. и сумму пожертвования). Въ этомъ случаѣ средства поступятъ на расчетный счетъ.

Съ вопросами Вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrova@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

КНИГИ ВЪ ДОРЕФОРМЕННОЙ ОРФОГРАФИИ

Представляемъ вамъ книги классиковъ русской литературы, исполненныя въ авторской (дореформенной) орфографіи. Изданія являются хорошимъ подаркомъ для цѣнителей русского языка.

Доступны на

Приобрѣсти книги вы можете перейдя по адресу: <https://pravopisanie.xram-v-yazvichah.ru>, а также въ Интернет-магазинъ OZON.

Человѣка, добротой дающаго, любить Богъ, и недостатокъ дѣлъ его восполнить

[Книга Притчей Соломоновыхъ 22:8]